

УДК 398.22(=512.145)
DOI 10.25587/e8664-7857-4755-b

Г. Р. Хусайнова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан

ИДЕОЛОГИЯ СУФИЗМА И РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ТАТАРСКОМ РОМАНИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

Аннотация. В процессе изучения духовного наследия любого народа появляется возможность представить его мировоззрение и верования. Основанные на любовных сюжетах татарские романтические дастаны ценны, прежде всего, тем, что являются памятниками, отражающими историю, жизнь, духовные ценности нации. Что интересно, эти дастаны в народной памяти сохраняются как произведения, повествующие лишь об истории двух влюбленных. Но их значимость не ограничивается лишь рассказом об истории несчастной любви. Татарские романтические дастаны привлекательны тем, что они тесно связаны с религиозной идеологией.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточностью изучения взаимосвязи татарских романтических дастанов с Исламской религией. Материал для исследования составляют тексты дастанов любовного характера, бытующие у татар, как «Тахир и Зухра», «Сказание о Йусуфе», «Сайфульмулюк», «Лейла и Меджнун», «Кузы-Курпач и Баян-сылу».

Цель статьи – определение влияния Ислама на татарские романтические дастаны. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: выявлены религиозные термины и образы, относящиеся к Исламу, в татарских романтических дастанах; рассмотрены их сходства с мотивами древнепоркских и древнеперсидских поэм; раскрыто отношение главных героев к единому создателю; выявлены суфийские идеи в татарских романтических дастанах. Также в статье автор дает определение татарским романтическим дастанам, указывает на их отличительные черты от дастанов другого характера. Кроме того, в работе подробно разъясняется понятие суфизма, сыгравшего большую роль в формировании татарской поэзии, обосновывается частичное присутствие этой идеи и в татарских романтических дастанах.

В данной статье применяются сравнительно-сопоставительные и историко-типологические методы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что религия Ислам оказала огромное влияние на татарские романтические дастаны. В них от начала до конца повествуется глубокая вера главных героев к Всевышнему, часто используются религиозные термины, встречаются персонажи, которые имеют место в священных писаниях мусульман.

Ключевые слова: дастан; религия; фольклор; ислам; Коран; суфизм; пророк; мотив; сюжет; образ.

G. R. Khusaynova

The ideology of sufism and religious motifs in the Tatar novelistic epic

Abstract. In the process of studying the spiritual heritage of any nation, it becomes possible to present its worldview and beliefs. Tatar novelistic *dastans* based on love stories are valuable, first of all, because they are monuments that reflect the history, life, and spiritual values of the nation. What's interesting: these dastans are preserved in people's memory as works that tell only about the story of two lovers. But their significance is not limited to the story of an unhappy love story. Tatar novelistic dastans are attractive because they are closely connected with religious ideology.

The relevance of this study is due to the insufficient study of the relationship of the Tatar novelistic dastans with the Muslim religion.

ХУСАЙНОВА Гульнира Разифовна – аспирант отдела народного творчества обособленного структурного подразделения Академии наук Республики Татарстан «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова», Казань, Россия.

E-mail: Gulnira2010@yandex.ru

KHUSAYNOVA Gulnira Razifovna – Graduate student of the Department of Folk Art of the separate structural unit of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan “Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibrahimov”, Kazan, Russia.

E-mail: Gulnira2010@yandex.ru

The subject of the article is the dastans of a love nature that are common among the Tatars as *Takhir and Zukhra*, *The Legend of Yusuf*, *Sayfulmuluk*, *Leila and Majnun*, *Kuzy-Kurpyach* and *Bayan-silu*.

The purpose of the article is to study the influence of Islam on the Tatar novelistic dastans, to identify the religious motifs and images used in the works, to determine the influence of this Sufi trend on this type of dastans. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to identify religious terms and images related to Islam in the Tatar novelistic dastans, to consider their similarities with the motifs in the ancient Turkic and ancient Persian poems; reveal the relationship of the main characters to a single creator; to identify Sufi ideas in Tatar novelistic dastans.

This article uses comparative and historical typological methods.

In the article, the author defines the Tatar novelistic dastans, points out their distinctive features from the dastans of another character, on the basis of the analysis of the works, pays great attention to religious images, reveals the motifs related to the religion of Islam. In addition, the paper explains in detail the concept of Sufism, which played a major role in the formation of the Tatar poetry, justifies the partial presence of this idea in the Tatar novelistic dastans.

The conducted research allows us to conclude that the religion of Islam had a huge impact on the Tatar novelistic dastans. They tell from beginning to end the deep faith of the protagonists to the almighty, religious terms are often used, there are characters that take place in the scriptures of Muslims.

Keywords: dastan; novelistic; folklore; Islam; Koran; Sufism; prophet; motif; plot; image.

Введение

После официального принятия в 922 г. Волжской Булгарией религии ислам мировоззрение татарского народа, его мировосприятие существенно изменилось. Произведения восточных поэтов, получивших к тому времени широкое признание в мировой литературе, оказали большое неоценимое влияние на создание татарской литературы, ее дальнейшее развитие. В средние века литература и фольклор были тесно взаимосвязаны. Практически во всех произведениях мы видим присутствие религиозных мотивов, коранических сюжетов и образов. Татарский народ через ислам начинает постигать общечеловеческие духовные ценности.

Одной из причин роста числа произведений фольклора, в которых проявлялась религиозная тема, является их целенаправленная фольклоризация. Стихотворения средневековых поэтов, отражающих тему покорности Одному Единственному Создателю (Аллаху), произведения, в которых доминируют религиозные мотивы, в т. ч. и дастаны, были чрезвычайно популярны в народе. Переходя из уст в уста в различных вариантах или через переписчиков распространяясь многочисленными рукописями, дастаны постепенно фольклоризируются. В прошлом активно бытуемые в народе и читаемые им, дошедшие до наших дней романические дастаны являются ярким примером подобного процесса. Романические дастаны – это произведения, в основе которых лежит известный сюжет, иногда существующие в нескольких вариантах, отражающие любовные приключения. «Тахир и Зухра», «Сказание о Йусуфе», «Сайфульмулюк», «Лейла и Меджнун», «Шахсанем и Гариб», «Буз егет» – дастаны, которые рассматриваются в этой категории.

Употребление со словом дастан прилагательного «романический» часто вызывает вопрос. В действительности, ученые в отношении дастанов используют оба варианта: романтический и романический. И все же ученые Е. М. Мелетинский [1, с. 141, 143, 145, 167], П. А. Гринцер [2, с. 3–44], В. М. Жирмунский [3, с. 19, 643], С. Ю. Неклюдов [4, с. 251–267] из этих двух вариантов по отношению подобного эпоса более склонны употреблять термин «романический». Ученый-эпосовед Л. Х. Мухаметзянова в своих трудах преимущественно также использует термин «романический эпос» [5, с. 261–318]. И на наш взгляд, термин «романтический» в теории литературы стоит ближе к направлению романтизма, а термин «романический» более характерен для жанровой классификации в литературе.

Романические дастаны тесно связаны с известными поэмами поэтов древнего и среднего веков Джами, Физули, Низами Ганджави, Алишер Навои, Меджлиси. Сюжеты этих поэм получили широкое распространение в различных национальных версиях. Эти, основанные на «бродячих» сюжетах произведения, дошли и до татар Поволжья. На этой почве они вобрали в себя национальные особенности татар и влились в литературно-культурный процесс со свойственным народным стилем [6, с. 269].

Научная новизна этой статьи заключается в том, что впервые тщательно исследуется взаимосвязь татарских романических дастанов с религией Ислам. Также обращаем внимание на поэмы известных поэтов, т. к. они имеют схожие религиозные мотивы и суфийские идеи. Тесное переплетение этих «авторских» произведений с исламом давно уже замечены учеными Ф. З. Яхиным [7], А. Х. Садыковой, Р. Р. Хайрутдиновой [8]. Соотношение любовных дастанов с религией затрагивались в научных работах Ф. И. Урманче [9, с. 8], Л. Х. Мухаметзяновой [5, с. 305, 307, 336; 10].

Несмотря на то, что в романических дастанах главное внимание направлено на возвышение любви, на утверждение того, что это самое сильное чувство, нельзя отрицать внутренний мир героя, его веру в Аллаха, и то, что рассказчик или автор положительно относится к религии. Частое использование в произведениях религиозных терминов и образов также показывает тесную связь дастанов с религией ислам.

Достоин внимания и то, что в этих дастанах, как и во многих творческих произведениях, ислам не используется в качестве преграды на пути влюбленных. В них герои верят в Аллаха и просят его о помощи. Противоречия в произведении возникают на социальной почве, как правило, из-за родителей. Именно они, нарушая данные ранее обещания, выступают против любви молодых («Тахир и Зухра», «Кузы-Курпач и Баян-сылу», «Шахсанем и Гариб», «Сайфульмулюк»). Как известно, нарушение обещания в исламе – один из главных грехов. Об этом в Коране упоминается несколько раз: «... и исполняйте верно договоры: ведь о договоре спросят» [11].

Проводится мысль о том, что все заканчивается трагедией из-за того, что отец не выполнил данное обещание. Таким образом, идеология романических дастанов совпадает с канонами ислама.

В то же время, несмотря на тесную связь татарских романических дастанов с религией ислама, было бы неверно утверждать, что они проникнуты только духом ислама. В сюжетах дастана приключенческие сюжеты тесно переплетены с исламскими канонами, но в них нашли довольно широкое отражение и черты периода язычества. В ткани текстов часто встречаются мифологические герои, мотивы, верования. Можно сказать, что среди татарских романических дастанов лишь «Сказание о Йусуфе» полностью основан на религиозном сюжете. Это связано с тем, что его исходный сюжет восходит к Библии и Корану, и с тем, что в XIII в. известное произведение поэта Волжской Булгарии Кул Гали «Сказание о Йусуфе» получило широкое распространение среди татар [12, б. 289]. В то же время даже этот дастан не свободен от мифологических мотивов.

Татарские романические дастаны и суфизм

После принятия Волжской Булгарией ислама в середине XI в. на эти территории начинают проникать суфийские идеи. Это направление характеризуется тем, что на первый план выходит проблема души, объяснение духовной чистоты человека, свободы духа на основе философской мысли. Показывается, что для мусульманина самым важным качеством является чистота его души. Среди болгар распространителями суфийских взглядов были члены *тарикиата* (братства) Ясави. Основателем этого *тарикиата* считается Ходжа Ахмет Ясави – ученик Абу Юсуф Хамадани. Постепенно в тюркский период, когда татарская литература проникалась суфизмом, начинает расти количество любовных дастанов.

Велика была роль суфизма и в формировании татарской поэзии [13, с. 44]. Поэзия становится местом пропаганды философских и суфийских взглядов. В творчестве известных поэтов средневековья Кутба, С. Сарай, Х. Кятиба, Хорезми, следующих за ними Умми Камала, Мухаммадьяра, Мавля Колыя, Г. Кандалыя, Каргалыя и др. есть в той или иной мере обращение к суфизму. Эти идеи в то время параллельно с литературой не могли не оказывать влияния и на татарские романические дастаны, которые отвечали духовным запросам народа [10, с. 277].

Для иллюстрации сказанного мы остановимся на дастане «Лейла и Меджнун», который получил распространение по всему миру через восточную литературу. Своим принятым в фольклористике условным названием он известен как вариант Бурхана Шарафа. В дастане первой влюбляется в Меджнуна Лейла. Чтобы привлечь его к себе, она меняет свою внешность. Меджнун не смог не обратить внимание на исключительную красоту Лейлы, и он начинает гореть в пламени любви. По мере усиления любовного чувства, свойственного людям, она все более идеализируется, и вскоре Лейла становится для него объектом поклонения. В начале

произведения любовь обоих не безответная, Лейла влюблена в Меджнуна, Меджнун – в Лейлу. Таким образом, кажется, что сказка будет иметь счастливый конец. Но сошедший с ума от любви юноша идет не к девушке, а уходит в пустыню. Чувство любви его действительно сводит с ума. Он отказывается от пищи, дикие животные пустыни становятся его близкими друзьями и единомышленниками. Свойственная людям любовь Лейлы остается безответной: «Меджнуну не нужна обычная земная девушка, поскольку её образ в его сознании сформировался как святое существо, достойное поклонения» [14, б. 204].

Какая же связь существует между данным сюжетом романического эпоса и суфизмом? Суфий ставит себя выше мирских удовольствий, он душой и телом отдается одному Аллаху. Меджнун отрекся от всех жизненных удовольствий и благ, ходит в рубище, насмешки людей не оказывают на него никакого влияния. Он себя полностью посвятил Лейле, любовь и поклонение ей удовлетворяют все его материальные и духовные запросы. А в другом варианте (Ишнияз бине Ширнияза) этого же дастана [15, б. 201] в конце произведения говорится о том, что Меджнун на Лейлу не обращает никакого внимания, получает удовольствие от поклонения Аллаху, т. е. в душе героя земную любовь заменяет любовь к Аллаху. Меджнун забывает про Лейлу, поклоняется только Аллаху, Лейлу же прогоняет. Это – важная особенность, свидетельствующая о том, что у распространенных среди татар дастанов на сюжет «Лейла и Меджнун» доминируют суфийские идеи. Суфийские идеи у татар, в особенности у его образованной части, получили широкое распространение, например, среди шакирдов (учащиеся медресе) рукописи романического дастана пользовались популярностью.

Произведения на сюжет «Лейла и Меджнун» интересны и тем, что в них показана дружба между человеком и животными. Во всех вариантах дастана животные, чувствуя божественную силу юноши, тянутся к нему [16, б. 39]. Меджнун становится для них вожакom, царем. Во время встреч влюбленных животные не отходят от них, стерегут их: *Мәҗнун белән бергә килгән арысланнар вә башка хайваннар, убаһың тирәсен корғап, кош та очырмыйлар иде. Бәс, Ләйлә белән Мәҗнун бер йирдә сөхбәт италар иде* [14, б. 204] 'Пришедшие вместе с Меджнуном львы и другие животные, окружив их место встречи, не давали даже птице пролететь. Лейла и Меджнун мирно беседовали' [пер. наш].

Беспрепятственное подчинение животных Меджнуну, и то, что после смерти они не покидали его, еще раз подчеркивает наличие в произведении суфийских взглядов. Эти идеи нашли яркое отражение и в варианте Низами Гянджави [16, с. 41].

Среди отмеченных выше любовных дастаном, «Сказание о Йусуфе» особенно пронизано религиозной идеологией. И это естественно, поскольку его сюжет присутствует в Торе, Евангелии и Коране. Йусуф – пророк Аллаха. Он религиозен, для него самое важное – жить по заветам Аллаха. И черты этого героя и доказывают присутствие в произведении суфийских идей. В нем через образ Йусуфа представлен *камил инсан* («совершенный человек»). Данное понятие впервые было предложено ученым-философом Ибн Араби (1165–1240). Под понятием «совершенного человека» подразумевается некий абсолют, всесторонне совершенный образ. Для демонстрации образа идеального человека Ибн Араби использует всех пророков – начиная с первого пророка Адама и завершая пророком Мухаммадом. Эта традиция в дальнейшем получает свое продолжение в творчествах Кутба («Хосров и Ширин»), Хорезми («Мухаббатнаме»), Хисама Кятиба («Джум-джума султан»), Сайфа Сарая («Гулистан бит-тюрки») [17, с. 221]. Совершенно естественно, что в татарской литературе с XVIII в. наряду с известными произведениями возникали и развивались другие романические дастаны, в которых неизменно присутствовали исламские и суфийские идеи.

Как известно, Е. Бертельс произведения древних персидских суфийских поэтов подразделяет на четыре части. Четвертая из них – это дидактическая часть. Мы можем утверждать, что суфийские идеи татарских романических дастаном в произведениях выполняют дидактическую функцию. В них доминируют такие качества как чувство верности, сила воли, умение отказываться от мирских удовольствий.

Хвалебный зачин (начало) в романических дастанах

В средневековой татарской эпической поэзии возвеличивание Аллаха и описание его свойств известны как традиционный зачин. Каждое произведение начинается с восхваления

Аллаха. Это явление преследовало цель не только давать читателю основы веры, а порождало у широкой общественности положительное отношение к произведению [7, б. 5].

Хвалебный зачин встречается и в произведениях более древних эпох. Там, где существовало язычество, прославлялись различные боги, произведения начинались с их восхваления. Например, созданное в Древнем Египте произведение «Гимн победы» (XV в. до н. э.) начинается словами: «*Хозяин двух миров, Амон-Ра заявляет ...*» [18, с. 118]. Подобная картина наблюдается и в поэме «Пентаура» (XIII в. до н. э.). Здесь наряду с египетскими богами упоминается и имя фараона Рамзеса II [9, с. 84].

А у мусульман этот мотив характеризуется упоминанием Аллаха, прославлением Его имен и свойств. Мотив хвалебного зачина в адрес Аллаха известен еще с произведения Юсуфа Баласагуни (XI в.) «Кутадгу билиг». Из семидесяти трех разделов этого произведения первые два посвящены прославлению Аллаха, пророка Мухаммада, халифов, Буграхана. В дальнейшем эту традицию продолжают и другие произведения.

Как было отмечено выше, в дастанах на любовный сюжет помимо прославления Аллаха восхваляются пророки и следующие за ними халифы. В исламе это явление называется *салават айту* (славословить, произносить хвалебную молитву). По исламскому шариату (письменный свод мусульманских законов) в начале проповеди из уважения и почитания должна произноситься молитва, прославляющая Аллаха, а затем пророка.

И в романических эпических произведениях эта последовательность сохраняется. В качестве примера, обратим внимание на начальный зачин произведения «Сказание о Йусуфе» Кул Гали:

*Бисмиллаһир – рәхманир – рәхим
Мактаулар һәм күп шөкерләр Бердәнбергә,
Милкә даим һәм мәңгелек бер тәңрегә,
Мөлкәтендә тиңдәше юк ул тәңрегә, –
Аны мәңге үлемсез дин белдек инде.
Аңардан соң аның дуствы Мөхәммәдкә,
Нәбиләрнең иң олугы ул Әхмәткә,
Ике уклык урыны бар ул Әхмәдкә,
Аңа бик күп сәлам – хөрмәт булсын инде*

[19, б. 17].

Хвала и честь тому, кто вечен и един,
Кто в землях вечных стран – бессмертный
властелин.
Ему подобных нет, велик лишь он один,
Как вечного творца его мы чтим теперь.
Мухаммед – его друг, и за творцом вослед
Пророка славим мы, кому подобных нет,
В двух луках от творца узрел он горний свет, –
Славенье и хвала избраннику теперь

[12, с. 20].

После этих строк приводятся восхваления правившим после пророка Мухаммада четверем халифам. Вот эти халифы: Абу Бакр, Умар, Усман, Али и внуки пророка Хасан и Хусайн. Подобные примеры встречаются и в дастане «Сайфульмулюк» Меджлиси. Произведение начинается с восхваления Аллаха. Затем автор пишет посвященную Мухаммаду и его сподвижникам длинную *касыду* (хвалебная поэма, самая древняя и композиционно сложная поэтическая форма в арабской литературе [7, б. 5]), следом идет еще и *мунаджжат* (лирический жанр восточной поэзии, букв. разговор с самим собой, мольба к Аллаху о прощении) [20, с. 371].

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что средневековые поэты свои известные поэмы создавали в рамках исламского вероучения.

Как и в лучших образцах средневековой литературы в романических дастанах, распространенных среди татар, имеются такие же зачины. Это – письменные памятники фольклора, книжные дастаны, сформированные позднее стадийного этапа и существовавшие параллельно с литературными произведениями конкретных авторов. На фоне развивающейся быстрыми темпами литературы достаточно объемные произведения фольклора, разумеется, вбирали в себя книжные традиции. Использование в романических дастанах слов восхваления в адрес Аллаха, может быть, одним из примеров взаимопроникновения литературных и фольклорных традиций. Это доказывает и тот факт, что при переписывании романического дастана переписчик начинает с того, что поет дифирамб Аллаху. Следует отметить и то, что эти зачины используются и в письмах влюбленных героев. Рассмотрим переписку юноши и девушки в произведении «Лейла и Меджнун». Вот как начинается письмо Лейлы: *Әүвәләндә ходай өчен хәмәд вә сәнадән соңра минем ярым! Гыйшыкым белән тауларны торак иткән әфәндем!* [14, б. 198] «Сначала, хвала богу, а затем ты, о возлюбленный мой! Силой любви ты горы превратил в

жилище, мой господин!» [пер. наш]. А вот ответ Меджнуна: *Әүвалендә хәмде сәнадан соңра и күркәмлек гөлстанның гөле вә сәмбеле!* [14, б. 198] «А после восхваления ты – гиацинт красивого цветущего сада!» [пер. наш].

«Хәмед» и «сәна» – означают «восхваление». Следовательно, мы можем сделать вывод, что этот прием, получивший широкое распространение среди мусульман, широко использовался и в романических дастанах.

Как показывают наблюдения, в традиционных дастанах повествовательного характера почти нет случаев, когда они начинаются с дифирамбов. Они, как правило, начинаются с повествования. А в романическом эпосе, который считается чаще всего произведением письменного фольклора, такие зачины – отражение письменно-книжной традиции.

Мотивы просьбы о помощи к Аллаху героев романического дастана и религиозные образы

Положительное отношение к Исламу героев татарского романического дастана, образ жизни, при котором выполняются заповеди Аллаха, отказ от всего запретного – картина, которая заслуживает положительной оценки в качестве нового эпического мотива, проникшего в татарский романический дастан позднего периода. Они в этой разновидности эпоса занимают важное место. Герои в произведениях религиозны, когда случается какое-либо бедствие или когда есть стремление чего-либо достигнуть, они обращаются с просьбой о помощи к Аллаху. По-другому это можно было бы назвать мольбой о помощи.

Среди любовных дастанов есть и такие, в которых события разворачиваются после принесения молитвы, обращенной именно к Аллаху. Среди них «Тахир и Зухра», «Шахсенем и Гариб», «Кузы-Курпач и Баян-сылу», созданные на схожие сюжеты. Например, в дастане «Тахир и Зухра» вполне благополучный царь и его визирь страдают от того, что у правителя нет детей.

Когда многочисленные обращения к знахарям и ученым не дали никакого результата, правитель сделал на улице подаяние странствующему путнику и попросил у него помощи. Он считал, что этот путник – *әулия* (святой, который по мыслям своим, желаниям, целям и деяниями приближенный Аллаха)¹. А мольбы таких святых сбываются: *Падишаһ вәзиренә карап әйтте: «Бу кадәр хәкимнәргә вә табибларга сансыз алтын сарыф кылып, бер файдасыны тапмадым. Әлбәттә, бу дәрвишлар арасында сахибе нәфәс әулияләр күп булып. Бу дәрвишкә мең алтын биреп, догасыны алыым, балки догасы кабул була торган кемсәдер. Аллаһе тәбәрәкә вә тәгалә миңа бер фәрзәнд рузи кылса, мең алтын түгел, балки бөтен солтанәтем бирсәм кирәктер», – диде. Һәм мең алтытын чыгарып дәрвишкә бирде* [14, б. 207]. «Падишах взглянул на визиря и сказал: «Сколько бы я правителям и знахарям не дарил золота немереного, только пользы в том мне не было. Разумеется, и среди дервишей есть немало ненасытных. Может, если я этому дервишу дам тысячу золотых, услышу его молитву, и его мольба-молитва будет услышана. И если Аллах мне пошлет наследника, не только тысячу золотых, а может все свое богатство отдам». Так он сказал и отдал дервишу тысячу золотых» [пер. наш].

Похожий пример можно увидеть и в дастане «Тахир и Зухра» варианта Саяди («Дастан Бабахан»):

*Диде Баһир: – И Аллаһы, Ходаем,
Хәзинәләр Иясә, Бер һәм Барым.
Синең хәзинәң – гыйшык хәзинәсе,
Минем сырхавымдыр гыйшык бизгәге.
Бабахан һәм: – Хода, – дип елар иде,
Бала уе йөрәген яулар иде.
Диде Баһир: – И Кодрәтле Аллаһым,
Сиңа үтенеч итәм, и Ходаем.
Бу солтанга бүләк кылсаң бер бала,
Аның белән солтан булса шат анда.
Шушы бала белән солтан шат булып,
Барча кайгысыннан ул азат булып* [21].

Сказал Бахир: – О мой Аллах,
Обладатель всех богатств, мой
Единственный,
Твои сокровища – сокровища любви,
Моя хворь, похоже, любовная лихорадка.
Бабахан: – О Аллах, – плакал он,
В его сердце лишь ребенок.
Сказал Бахир: – О Всемогущий Аллах,
Прошу тебя, о Аллах.
Подарил бы ты этому султану дитя,
Как бы ты этим его обрадовал.
Этому ребенку султан будет рад,
И покинут его все тревоги [пер. наш].

¹ Umma.ru. Глоссарий [Электронный ресурс]. URL: <https://umma.ru/termini/auliya/> (дата обращения: 01.12.2020).

В дастанах, основанных на любовном сюжете, главные герои находятся в особенно тесной связи с Аллахом. Для одержания победы над безжалостными законами общества они постоянно обращаются с молитвой-мольбой. Если в традиционном героическом эпосе герой может рассчитывать только на свои собственные силы, то в романическом эпосе, испытавшем сильное воздействие ислама, мы видим, что события принимают совершенно иной оборот. В них герой всегда подчинен Аллаху. Иногда в качестве ответа на обращенные молитвы герою посылается образ Хызыра. На языке народа он означает «указующий верную дорогу», «помощник». «Хызыр» означает «зеленый». С его появлением все в природе начинает оживать. Как писал поэт золотоордынского периода Рабгузи, пророки Хызыр и Ильяс по воле Аллаха навечно были оставлены на земле, они испили вечную воду и будут жить на земле вечно. В татарском фольклоре эти два пророка воспринимаются как один, и он может встретиться каждому [8, б. 40].

С точки зрения ислама, о Хызыре Ильясе существует несколько мнений. Если одна группа ученых считает его пророком, другая называет его волшебным мудрецом, обладающим большими знаниями. Но обе эти группы объединяет то, что Хызыр помогает людям, попавшим в затруднительные ситуации. В татарском эпосе он выполняет именно эти функции. В отличие от простых людей, для него характерен дар предвидения. Например, уже в самом начале дастана «Туляк», основанном на сказочно-мифологическом сюжете, над главным героем витает угроза смерти: другие слуги падишаха из-за зависти к нему решают отобрать у него коня, а затем и самого убить. Привыкший жить по заповедям Аллаха, простодушный Туляк не догадывается о кознях своих товарищей. Но задуманное недругами злодеяние не случается, т. к. его во сне предупреждают о грозящей опасности.

И в дастане «Тахир и Зухра» Хызыр не только является во сне, но и наяву приходит к герою и помогает ему. Он помогает влюбленному джигиту бежать из острога, а затем и из царства падишаха Гуля. Это выполняющее волю Аллаха существо всегда одето в белые атласные одежды и восседает на вороном коне. Он приводит Тахиру вороного жеребца и велит ему скакать на нем. Позднее при помощи волшебства Хызыр преображает Тахира в девушку и посылает на свидание с возлюбленной юноши [7, б. 307].

В дастане «Лейла и Меджнун» этот религиозный образ выполняет посредническую функцию между влюбленными. К Меджнуну, скитающемуся в степи в безумии от любви, однажды приходит старик верхом на коне. Когда юноша спрашивает о цели его прихода, он говорит, что привез письмо от влюбленной девушки по имени Лейла. Меджнун отвечает на это письмо и также передает его Хызыру. Таким образом, в произведении он выполняет положительную функцию, обеспечивая связь между влюбленными.

В татарских романических дастанах есть еще один похожий образ – ангел Джабраил. В исламе этот образ известен как посредник между Аллахом и его пророками. В поэме «Сказание о Йусуфе» он выполняет такую же функцию. Когда брошенный братьями в колодезь Йусуф начинает взывать о помощи, к нему спускается Джабраил:

*Йосыфка ул әйтте: «Әйя, хак тугрысы,
Сиңа – хактан сәламнарның олугысы,
Бездән ал син пәйгамбәрлек қуанычы,
Нәбилегең хуш-мөбарәк булсын инде!»*

[19, б. 42].

*«О праведный Йусуф, – был Джебраила клич, –
Господь велел тебе желанного достичь, –
Пророчеством себя навеки возвеличь,
Да будь благословен ты как пророк теперь!»*

[12, с. 47].

В том, что в конце дастана Йусуф и Зулейха остаются вместе, велика заслуга Джабраила. Именно он настаивал на том, чтобы молодой юноша не поддавался коварству женщины, твердо противостоял этому. При условии, если Йусуф справится со своими страстями, он обещает им встречу в будущем:

*«Күктән шундый кисәтүле аять иңде,
Нәфесеңне уйнаштан тый!» – диеп инде,
Шушыннан соң хәтта Йагъкуб бер күренде,
Бармак янап, ул да угълын кисәтте*

[19, б. 114].

И снизошел к нему в тот же миг священный стих:
«Прелюбодейство – грех, страшись деяний злых».
Йакуба он, отца, узрел в очах своих, –
Йусуфа он от зла остерегал теперь

[12, с. 130].

Действительно, слова ангела сбываются – через много лет Зулейха откажется от идолов и начнет верить лишь Аллаху:

*Зөләйхабыз санәменә зур шик кылды,
Аңардан ул йөз дүндереп, мәзмин булды.
Шул санәмен сындыргалап, һалак кылды,
Кисәкләрен чыгарып ул сатты инде*

[19, б. 153].

Отвергла Зулейха кумира своего
И, правоверной став, не стала чтить его.
На мелкие куски разбила божество,
Осколки продала она купцам теперь

[12, с. 173].

В поэме Кул Гали Йусуф все свои действия и поступки совершает, подчиняясь повелениям Аллаха. А Джабраил последовательно доносит их до главного героя. Каждый шаг своего пророка Аллах отслеживает, поскольку он – Его посол, который своими поступками демонстрирует веру Аллаха, показывая силу ислама. Он своей безукоризненной дисциплиной, личным примером, красотой и совершенством своей внешности, своих дел и нравственности ведет за собой людей. Он ни на шаг не отходит от нравственных канонов ислама, а если это и случается, то резко пресекается. Терпеливость Йусуфа, набожность, умение противостоять женской интриге стали причиной счастливого завершения произведения. Вновь вернемся к образу Джабраила. Этот ангел в любовных дастанах, как и Хызыр Ильяс, предстает как помощник людей. Они оба становятся близкими друзьями герою, измученному одиночеством и жизненными несправедливостями. Как уже было сказано, эти религиозные герои посланы в ответ на мольбы героев дастана. Под влиянием знания Корана и воздействием поэмы Кул Гали в народе распространены несколько вариантов дастана на сюжет «Йусуф – Зулейха», которые освоили перечисленные выше традиции.

В некоторых любовных дастанах на помощь влюбленному юноше приходят предметы, обладающие некой силой. Например, в дастане «Сайфульмулюк» это перстень пророка Сулеймана. И не случайно, что этот перстень носит Сайфульмулюк. Ибо он – сын правителя. Пророк Сулейман был признан как один из самых богатых людей на земле. В истории религии он известен и тем, что умел подчинять себе и нечистую силу. И Сайфульмулюк при помощи этого перстня побеждает злого Дива.

В варианте Меджлиси образ пророка Сулеймана тоже упоминается – оказывается, что шах тоже из рода пророка Сулеймана. Когда исполнилось двенадцать лет, он своему сыну Сайфульмулюку подарил шубу и перстень. И этот перстень стал гарантией того, что Сайфульмулюк всегда сможет выходить победителем из самых сложных ситуаций.

Следует отметить, что в дастане в качестве помощника выступает предмет (перстень), но даже он принадлежит пророку. Точнее говоря, это показывает, что произведение тесно связано с учением ислама.

Как видим, герои любовных дастанов в борьбе с несправедливостью или со злыми духами опираются на великого Аллаха. Следовательно, татарские романтические дастаны не ограничиваются лишь описанием любви юноши и девушки, а показывают тесную связь героев с Аллахом, а это свидетельствует о сильном воздействии ислама на татарский романтический дастан.

Заключение

Татарские романтические дастаны, тесно связанные с восточными поэмами, считаются произведениями, вобравшими в себя духовное богатство народа, его историю. Как известно, образ жизни татар был неразрывно связан с исламом. Народные верования и религиозные обряды проникали в художественные произведения, тем самым на протяжении столетий служили воспитанию нации.

Суфийские идеи, проникшие в XII в. через творчество Ахмеда Ясави, оказали большое влияние на литературу и произведения народного творчества. Суфийские поэты признавали любовь только к Аллаху и писали только во славу Аллаха, поэтому их произведения особенно ярко освещали суфийские взгляды и аскетизм.

Татарские романтические дастаны также не свободны от этих взглядов. Любовь героев, доходящая до поклонения возлюбленной, приводящая к полному отказу от мирских удовольствий, сравнивается с полной отдачей суфия во власть Аллаха и отрешением его от всяческих земных удовольствий. Ярким тому примером служит дастан «Лейла и Меджнун».

Главные герои татарских романтических дастанов воплощаются как истинно верующие в Аллаха люди. На пути преодоления социального неравенства, служащего преградой на пути единения влюбленных, и каких-либо других причин они опираются только на одного Аллаха, просят Его о помощи. Как правило, эта мольба помогает. Часто в целях оказания помощи главным героям в произведениях появляются религиозные персонажи. Между влюбленными они выполняют роль посредников или напоминают о неизбежном счастливом конце, но только в результате проявления молодыми терпения.

В данной статье связь татарских романтических дастанов с религией ислам освящена лишь частично. Можно было бы привести еще немало примеров, посвященных религиозным мотивам. Помимо описанных, в любовных дастанах уделено много места и таким понятиям как «язмыш» («судьба»), «Кыямэт көне» («Судный день»), «жәннэт һәм жәһәннәм» («рай и ад»). Эти проблемы достойны отдельного исследования.

Народные дастаны, основанные на любовном сюжете, и сегодня обнаруживаются в письменных вариантах. Это говорит о том, что возникает необходимость более глубокого исследования этих произведений. В дальнейшем задача изучения любовных дастанов в сравнении с религиозными мотивами героических эпосов остается актуальной.

Литература

1. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – Москва : Наука, 1986. – 320 с.
2. Гринцер П. А. Две эпохи романа (вводная статья) // Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра. – Москва : Наука, 1980. – С. 3–14.
3. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Ленинград : Наука, 1974. – 728 с.
4. Неклюдов С. Ю. От эпоса к роману // Героический эпос монгольских народов. – Москва : Наука, 1984. – С. 251–267.
5. Мухаметзянова Л. Х. Татарской эпос : книжные дастаны. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2014. – 380 с.
6. Мөхәммәтжанова Л. Х., Хөсәенова Г. Р. Татар эпик фольклорында дастанның романтик төре : төп үзенчәлекләре // Традиционная культура народов Поволжья : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Казань, 13–15 февраля 2018 г.). – Казань : Ихлас, 2018. – С. 268–277. (На татарском яз.)
7. Яхин Ф. З. Урта гасырлар татар әдәбияты : Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. Икенче басма. – Казан : Раннур, 2003. – 416 б. (На татарском яз.)
8. Садыкова А. Х., Хәйретдинова Р. Р. XII–XX гасыр башы татар әдәбиятында дини фольклор : дәреслек. – Казан : КФУ, 2016. – 384 б. (На татарском яз.)
9. Урманче Ф. И. Тюркский героический эпос. – Казань : ИЯЛИ, 2015. – 448 с.
10. Мухаметзянова Л. Х. Отражение духовно-нравственных ценностей Ислама в дастанах, распространенных в XVIII в. в Поволжье // Идеалы и ценности Ислама в образовательном пространстве XXI века : материалы X Международной научно-практической конференции (Уфа, 18–20 октября 2017 г.). – Уфа : Мир печати, 2017. – С. 276–279.
11. Сура 17 «Перенос ночью» [Электронный ресурс]. URL : <https://falaq.ru/quran/k17> (дата обращения : 09.12.2020).
12. Кул Гали. Сказание о Йусуфе : Поэма / пер. С. Иванова. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1985. – 254 с.

13. Хасавнех А. А. Поэма Ахметзяна Тубыли «Повествование о незабываемом Фархаде и его возлюбленной Ширин» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 3. – С. 42–54. – DOI : 10.25587/n0943-3187-1950-g.
14. Татар халык ижаты. Дастаннар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләр язучы, Ф. В. Әхмәтова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1984. – 384 б. (На татарском яз.)
15. Мөхәммәтжанова Л. Х. Дөнья цивилизациясендә татар дастаннары. – Казан : ИЯЛИ, 2018. – 280 б.
16. Гумматова Х. Б. Концепция божественной любви в поэме «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви [Электронный ресурс]. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-bozhestvennoy-lyubvi-v-roe-me-leyli-i-medzhnun-nizami-gyandzhevi/viewer> (дата обращения : 01.12.2020).
17. Юсупов А. Ф., Юсупова Н. Ф. Суфизм в Средневековой татарской культуре : роль, особенности и модели мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5 (16). – С. 219–222.
18. Повесть Петейсе III. Древнеегипетская проза / пер. с древнеегипет., вступ. ст. и коммент. М. А. Коростовцева; тексты подготовлены К. Н. Жуковской. – Москва : Худ. лит.-ра, 1978. – 303 с.
19. Кол Гали. Кыйсай Йосыф : Поэма. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1989. – 221 с. (На татарском яз.)
20. Татарский энциклопедический словарь. – Казань : Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 703 с.
21. Сайади. Бабахан дастаны [Электронный ресурс]. URL : https://kitaphane.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_26836.doc (дата обращения : 30.11.2020). (На татарском яз.)

References

1. Meletinsky E. M. An introduction to the historical poetics of the epic and the novel. Moscow, Nauka Publ., 1986, 320 p. (In Russ.)
2. Grintser P. A. Two epochs of the novel (introductory article). In: Genesis of the novel in the literatures of Asia and Africa. National origins of the genre. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 3–14. (In Russ.)
3. Zhirmunsky V. M. Turkic heroic epic. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 728 p. (In Russ.)
4. Neklyudov S. Yu. From epic to novel. In: Heroic epic of Mongolian people. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 251–267. (In Russ.)
5. Mukhametzyanova L. Kh. Tatar epic: book dastans. Kazan, IYaLI im. G. Ibragimova Publ., 2014, 380 p. (In Russ.)
6. Mukhametzyanova L. Kh., Khusaynova G. R. Romanic form of dastan in Tatar epic folklore. In: Traditional culture of the peoples of the Volga region: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation (Kazan, February 13–15, 2018). Kazan, Ikhlas Publ., 2018, 560 p. (In Tatar)
7. Yakhin F. Z. Tatar Literature of the Middle Ages: Religious Mysticism and Mythology in Tatar Poetry. 2nd ed. Kazan, Rannur Publ., 2003, 416 p. (In Tatar)
8. Sadykova A. Kh., Kheiretdinova R. R. In the XII–XX centuries, religious folklore in Tatar literature: textbook. Kazan, KFU Publ., 2016, 384 p. (In Tatar)
9. Urmanche F. I. Turkic heroic epic. Kazan, IYaLI Publ., 2015, 448 p. (In Russ.)
10. Mukhametzyanova L. Kh. Reflection of the spiritual and moral values of Islam in dastans widespread in the 18th century in the Volga region. In: Ideals and values of Islam in the educational space of the XXI century: materials of the X International Scientific and Practical Conference (Ufa, October 18–20, 2017). Ufa, Mir printa Publ., 2017, pp. 276–279. (In Russ.)
11. Sura 17 “Transfer at night” [Web resource]. URL : <https://falaq.ru/quran/krac/17> (accessed December 9, 2020). (In Russ.)
12. Kul Gali. The Legend of Yusuf: Poem. Transl. by S. Ivanov. Kazan, Tatar book publishing house, 1985, 254 p. (In Russ.)
13. Khasavnekh A. A. Poem by Akhmetzyan Tubyli “The Story of the Unforgettable Farhad and His Beloved Shirin”. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 3, pp. 42–54. DOI: 10.25587/n0943-3187-1950-g. (In Russ.)
14. Tatar folk art. Dastans. Comp., author of articles and notes by F. V. Akhmatov. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1984, 384 p. (In Tatar)
15. Mukhametzyanova L. Kh. Tatar dastans in world civilization. Kazan, IYaLI Publ., 2018, 280 p. (In Tatar)

16. Gummatova Kh. B. The concept of divine love in the poem “Leili and Majnun” by Nizami Ganjavi [Web resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-bozhestvennoy-lyubvi-v-poeme-leyli-i-medzhnun-nizami-gyandzhevi/viewer> (accessed December 1, 2020). (In Russ.)
17. Yusupov A. F., Yusupova N. F. Sufism in Medieval Tatar Culture: Role, Features and Models of the World. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2012, no. 5 (16), pp. 219–222. (In Russ.)
18. The Story of Peteis III. Ancient Egyptian prose. Transl. from ancient egypt., introd. article and comment. by M. A. Korostovtsev, the texts prepared by K. N. Zhukovskaya. Moscow, State Publ. House of fine literature, 1978, 303 p. (In Russ.)
19. Kol Gali. The story of Yusuf: Poem. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1989, 221 p. (In Tatar)
20. Tatar Encyclopedic Dictionary. Chief ed. M. Kh. Khasanov. Kazan, Institute of the Tatar Encyclopedia of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 1999, 703 p. (In Russ.)
21. Saiadi. Dastan of Babakhan [Web resource]. URL : https://kitaphane.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_26836.doc (accessed November 30, 2020). (In Tatar)